

По шутливому восточному гороскопу он родился в год змеи. Вообще-то у змеи слава в Европе зловещая. В Азии, наоборот, она почитаема за свою мудрость, прозорливость и волю. В Японии, желая сделать женщине комплимент, восклицают: «Моя дорогая, вы настоящая змея!» Но это о женщинах. Мужчины-змеи — сентиментален и приятен, у него есть чувство юмора. Он не болтлив. Глубоко размышляет. Больше доверяет своим ощущениям, впечатлениям, симпатиям, чем фактам, собственному опыту и опыту других, суждениям и советам. Решительно доводит дело до конца. Ему неаппетитен провал. И хотя он спокоен по натуре, решение принимает быстро.

Вот такой он человек — «по гороскопу». Казалось бы, все ясно, как на ладони, и брать интервью у актера Андрея Миронова нет смысла. Но так ли правдивы эти ненаучные гороскопы? А посему ваш корреспондент, нагруженный вопросами, поспешил по адресу, согласно которому тот проживает.

— В детстве и юности я большую часть времени проводил с родителями, — рассказывает он. — Многие, наверное, знают актеров-сатириков Миронову и Менакера. Так вот, это мои мама и папа. Благодаря им мне повезло в своей юности общаться с замечательными актерами театра, кино, эстрады. К нам часто приходили Михаил Зощенко, Валентин Катаев, Борис Ефимов, Вера Марецкая, Фаина Раневская...

— И, конечно же, среди этих людей у Вас был свой мальчишеский кумир?

— Одним из самых близких друзей нашей семьи был Леонид Осипович Утесов. Все мое детство было связано с ним, с его песнями. Это был жизнерадостный, веселый, общительный человек. Я так старался походить на него, что даже пытался петь песни его голосом. Можете себе представить, что это было! А когда вышла его книга воспоминаний, то один из первых экземпляров он подарил мне вот с такой надписью: «Дорогой Андрей Миронов, помню тебя, маленького, мальчика — вижу большим актером. Радуюсь! Твой дядя Леда. В мире — Утесов».

— Значит, в Вашей творческой судьбе не было случайностей. Все, как говорится, шло по закономерному пути. Родители актеры, Вы...

— Какие-то явления поначалу были случайными, а дальше... Я мечтал быть актером, а может, даже был одержим этой мечтой. После школы сразу поступил в Шуйкинское училище. А по окончании пришел на работу в Театр сатиры. Конечно, как каждый

выпускник училища, мечтал быть артистом Театра Вахтангова. Но меня туда не взяли, а в Сатиру пригласили. До сих пор с благодарностью вспоминаю это приглашение. Моей первой работой была роль Сильвестра в спектакле «Проделки Скапена». Не могу сказать, что роль понравилась всем, но мне понравилась.

— Первая роль. С тех пор прошло двадцать лет...

— Мне повезло сыграть замечательные роли. Как я их сыграл? Стоит ли об этом говорить... Скажу только, что я соприкоснулся с таким репертуаром, который заставляет, хочешь ты этого или нет, погружаться в другую эпоху, прочесть не только пьесу, но и все, что связано с атмосферой того времени, с именем драматурга или писателя. Будь то Бомарше, Гоголь, Грибоедов, Маяковский, Вишневский и, конечно, Островский, которого я безмерно люблю и одну его пьесу даже поставил сам.

— Вы с таким увлечением рассказываете о работе в театре и ни одного слова о кино.

— В кино мне повезло меньше... То есть там я не сталкивался с такой драматургией, которую дал мне театр. И поэтому в кино сложился стереотип «легкого, шального человека». Как его разрушить? В прошлом году мне представилась возможность встретиться с двумя интересными режиссерами — это Алексей Герман и Александр

нута такой парадокс, что эти отпечатки напрочь прикроют его собственное «я»?

— Безусловно, такая опасность есть. Но все зависит от человека, насколько прочен его стержень. Если он есть, он питает те характеры, которые преломляются, проходя сквозь его индивидуальность. И сегодня актер, отказавшись в какой-то степени от грима, ка-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

КАК ВАЖНО БЫТЬ ВЕСЕЛЫМ

Митта. Надеюсь, они мне помогут в этом.

— А можно рассказать об этом поподробнее?

— Кинолента Германа называется «Лапшин». В ней я играю роль писателя. Вообще там три героя: милиционер, начальник угрозыска и столыцкий литератор. Этот человек приезжает писать о начальнике милиции, о тридцатых годах, о молодости милиции. Тут-то и возникает треугольник этой лирической истории. Конечно, главное в фильме — это время, эпоха, люди.

И вторая картина — «Сказка страданий» Александра Митты, созданная советскими, румынскими и чешскими кинематографистами. Это притча, путешествие в сказочной, средневековой стране. Но суть характеров персонажей — современна. Мой герой, странствующий врач, поэт, философ, изобретатель, ищущий истины. Ну а суть любой притчи, сказки — это победа добра над злом.

— Человек сыграл много ролей. И, естественно, каждая накладывает на него свой отпечаток. Не может ли возник-

нуть такой парадокс, что эти отпечатки напрочь прикроют его собственное «я»?

— Безусловно, такая опасность есть. Но все зависит от человека, насколько прочен его стержень. Если он есть, он питает те характеры, которые преломляются, проходя сквозь его индивидуальность. И сегодня актер, отказавшись в какой-то степени от грима, ка-

— Вопрос, который наверняка ждут наши читатели: когда Вы запели?

— Меня всегда к этому тянуло. Но запел я, как всегда, вдруг, неожиданно. В детстве меня музыке не учили. Родители были твердо убеждены, что у меня нет слуха, хотя сами они были музыкальными людьми. И, наверное, они были правы. Но трагическое желание вело меня к пению... Сначала я подражал самым разным певцам, в первую очередь, как уже говорил, Утесову. Затем понял, что это тоже способ выражения. Впервые запел на экране в «Бриллиантовой руке». Но вот сколько лет прошло, могу сказать: певцом я так и не стал.

— Вас порой упрекают в пристрастии к так называемому «жесточкому романсу». Что, дескать, хоть Вы и делаете это с иронией, тем не менее некоторые слушатели, зрители воспринимают такие «романсы» всерьез.

— Повторяю: я не певец. А то, что вы слышите, — это или пародия, или песни тех, чьим голосом я пою. Конечно, каждый понимает, как может. Но, согласитесь, глупо выходить на сцену с объявлением:

— О ком из режиссеров Вы могли бы сказать так: для меня этот человек — абсолютный авторитет?

— В театре для меня таким человеком является Валентин Николаевич Плучек. Я готов выслушать от него все, потому что знаю, он это делает для того, чтобы уберечь от привычного, пробудить что-то новое.

— Какой образ Вам особенно дорог в Ваших ролях?

— Скажу собирательно. Это человек, наделенный волей, разумом, безусловно неординарный. Человечность. Индивидуальный, неповторимый, яркий. Но — не так называемый супермен.

— Ваши киногерои — люди, в общем-то, легкие, которые и живут легко...

— Отчасти это свойственно и моему характеру. Естественно, с годами эта легкость, может быть, несколько «потяжелела». Вообще мне больше близки, понятны люди с легким характером (но не легкомысленные)... Легко возбудимые, умеющие в первую очередь с юмором относиться к себе, контактные, открытые... Хочу сказать, что многие кинозрители мне не прощают этой легкости. Они хотят видеть зрелого мужа.

— Вопрос, который наверняка ждут наши читатели: когда Вы запели?

— Меня всегда к этому тянуло. Но запел я, как всегда, вдруг, неожиданно. В детстве меня музыке не учили. Родители были твердо убеждены, что у меня нет слуха, хотя сами они были музыкальными людьми. И, наверное, они были правы. Но трагическое желание вело меня к пению... Сначала я подражал самым разным певцам, в первую очередь, как уже говорил, Утесову. Затем понял, что это тоже способ выражения. Впервые запел на экране в «Бриллиантовой руке». Но вот сколько лет прошло, могу сказать: певцом я так и не стал.

— Вас порой упрекают в пристрастии к так называемому «жесточкому романсу». Что, дескать, хоть Вы и делаете это с иронией, тем не менее некоторые слушатели, зрители воспринимают такие «романсы» всерьез.

— Повторяю: я не певец. А то, что вы слышите, — это или пародия, или песни тех, чьим голосом я пою. Конечно, каждый понимает, как может. Но, согласитесь, глупо выходить на сцену с объявлением:

«А сейчас я буду иронизировать...». Не исключаю и того, что и моя ирония бывает несовершенной, — потому ее, возможно, порой и не «слышат», не замечают.

— Вы сказали, что Вам нравятся люди контактные, открытые. Смело предположить, что эти качества присущи и Вам?

— Вообще-то у меня довольно замкнутый круг знакомств. Но это ни о чем не говорит. Я получаю удовольствие от общения с очень широким кругом людей. Всегда задаю много вопросов. Иногда, не дослушав, задаю следующие... Это, разумеется, нехорошо. Но мне хочется спросить как можно больше.

— Как Вы относитесь к популярности?

— У самого слова «популярность» есть слова-синонимы — признательность, благодарность, интерес. Вот эти слова меня больше устраивают, чем слово «популярность». Уважение, если хотите. Ведь критиковать можно и уважая.

— О чем Вы чаще всего думаете?

— Наверное, о своей работе. Это моя жизнь. Мне звонят и предлагают спеть песню. Я могу ее не петь, отказаться, есть человек, который сделает это лучше меня. Но мне это интересно. Звонят, например, из Киева, просят сняться в фильме. Могу не играть в кино, но мне это тоже интересно!..

— Любите ли Вы рисковать?

— К сожалению, да. Хотя иногда сознательно затеиваю принятие какого-то рискованного решения, чтобы собраться, подумать.

— Год 1983-й только начался. Какие человеческие качества Вы хотели бы оставить в старом году и что приобрести в новом?

— Суетливость, скоропалительность, поспешность — оставить. Приобрести здравомыслие, в некотором смысле — сдержанность.

— Что бы Вы хотели пожелать в новом году нашим читателям?

— Прежде всего здоровья. Как только тебя вдруг прихватит, то выясняется, что без многого можно обойтись, а вот без здоровья трудно. А еще живого интереса к жизни. Интерес к работе, людям, творчеству. Это питает наше бытие. Что-то создавать, думать, спорить... Собственно, в этом и состоит интерес к жизни.

Ю. ФИЛИНОВ.

23 ЯНВ 1983

Новосельская улица
г. Москва